

НА ПЕРЕКРЕСТКЕ МНЕНИЙ

**Л. ГРИБОВ, член-корреспондент
РАН**

Как учить истории?

Недавно один из телеведущих собрал вокруг себя род «веча» и стал выяснять, надо ли изучать историю и хочет ли народ ее знать. Для участия в дискуссии были приглашены директор Института российской истории РАН и кинорежиссер. В качестве главных достижений советских историков первый указал на детальное исследование Булавинского и Пугачевского бунтов и на то, что в результате удалось сделать вывод: власть должна все же соображать, что доводить народ до кровавых выступлений не стоит. Второй же усиленно настаивал на том, что наш народ собственной истории не знает и знать не хочет. По-видимому, тех, кто собственной историей все же интересуется, к народу относить нельзя. Это напомнило мне замечание Потока-Богатыря у А.К. Толстого: «Я ведь тоже народ, так за что ж для меня исключенье?»

Выступила и некая политизированная особа, постоянная участница телевизионных тусовок, с сенсационным заявлением, что история вообще не наука. Это «глубокомысленное» соображение наводит на мысль, что эта дама из тех, кто знакомится с историей Франции времен Людовика XIII с помощью «Трех мушкетеров».

Между тем, по авторитетному свидетельству М.Е. Салтыкова-Щедрина, даже глава Трущобы Лев понимал, что История есть вещь серьезная, и ни в коем случае не хотел в зверином образе попасть на ее скрижали! Мудрейший же Козьма Прутков прямо утверждал: «Настоящее есть следствие прошедше-

го, а потому непрестанно обращай взор свой на зады, чем сбережешь себя от знатных ошибок». Стало быть, и он признавал пользу знания истории для принятия сегодняшних решений, последствия которых вполне могут проявиться в ближайшем будущем!

Если говорить всерьез, то давно известно, что народ, забывший свое прошлое, рискует пережить его вновь. Редкая страна и редкий народ имели такую тяжелую и кровавую историю, как Россия и русские.

«Матушка Россия, – говаривал герой войн 1808 и 1812 гг. генерал Кульнев, – тем хороша, что все-таки в каком-нибудь углу ее да дерутся». Уж очень удобно она расположилась – сплошное ровное место. Приходи откуда хочешь! С Запада поляки и немцы, с юга – турки, с востока – татары. Лишь при Екатерине Великой Россия перестала откупаться от крымского хана данью, чтобы не было постоянных набегов на южные рубежи, а при Николае I Черноморский флот регулярно патрулировал вдоль кавказского побережья с целью воспрепятствовать вывозу постоянно захватываемых северокавказскими племенами русских в рабство, хотя и не в таких количествах, как раньше, в Турцию. Пушкин знал, что говорил, когда преду-преждал новых пришельцев, что и им найдется место на полях России «среди нечуждых им гробов». Так что немалое историческое время Россия была страдательной стороной, особенно по отношению к Европе, и лишь при Петре Великом

вошла в нее «как спущенный корабль при стуке топора и громе пушек». Не просто вошла, а сокрушила в кратчайшее время одну из господствовавших в Европе со времен Тридцатилетней войны державу с превосходной армией, созданной Густавом-Адольфом! Европа настолько была напугана таким совершенно неожиданным явлением, что испуг этот, по-моему, не прошел и по сей день, проявляясь самым разнообразным и подчас очень болезненным образом. Тем более что весь советский период преодолению этой реакции не способствовал.

Может быть, сказывается здесь и элемент обиды и зависти. Никак не могли европейские армии разгромить шведскую, а русская смогла. Непобедимые пруссаки Фридриха II бежали от русских, по словам того же Фридриха, «как последние б...». Наконец, Наполеон. «Они всю Европу отдали ему и приехали нас учить», – говорил князь Андрей Пьеру Безухову перед Бородинским сражением.

Пушкин высказался еще определеннее:

«И ненавидите вы нас...
 За что ж? Ответствуйте: за то ли,
 Что на развалинах пылающей Москвы
 Мы не признали наглой воли
 Того, под кем дрожали вы?
 За то ль, что в бездну повалили
 Мы тяготеющий над царствами кумир
 И нашей кровью искупили
 Европы вольность, честь и мир?...»

Если не знать истории взаимоотношений Европы и России на протяжении веков и не анализировать ее, то и не поймешь, в чем глубинные причины такого положения, и не сообразишь, как ему противостоять.

К сожалению, не только окружение нам досаждало. Мы сами явили миру пример того, как можно терять историческую память.

После краха коммунистической идеологии появилось большое число учебников, книг и статей по истории. Поскольку их пишут люди, то полностью объективными они в принципе быть не могут и отражают самые разнообразные, часто – крайние, точки зрения: от дикой ностальгии по прошлому с Лениным и Сталиным на знаменах до мазохистского самоунижения: и страна дрянь, и народ паршивый!

Сейчас решено создать три вида учебников. Учитывая «плюрализм мнений», можно ожидать, что в угоду разным политическим кругам снова получим на левом фланге восхваление Нечаяева и Халтурина и описание того, как неведомо откуда взявшиеся «демократы» развалили могучую державу, скрепленную монолитной дружбой народов; а на правом – констатацию, что Петр Великий был пьяница и садист, а Басаев – борец за счастье гордого чеченского народа. Читатель «середины» будет чувствовать себя так же комфортно, как человек, сидящий на двух стульях.

Все хотят правды, но каждый ее понимает по-своему. Может, история – действительно не наука, а некоторый склад для пишущей братии, произвольно отбирающей, группирующей и толкующей факты?

Договоримся прежде всего, что мы будем понимать в этой статье под термином «наука». Наукой будем называть такую совокупность знаний, содержащих факты и обобщения, на основании которых можно делать прогнозы будущих событий с достаточной долей вероятности и в пределах определенных ограничений. Если рассматривать любую область науки, от физики до медицины и психологии, то обнаружится, что везде есть набор объективных фактов (результатов экспериментов или наблюдений) и их обобщения – модели явлений. С помощью таких обобщений

и устанавливаются причинно-следственные связи. Эти связи могут выражаться по-разному: в виде дифференциальных уравнений – как в физике, алгоритмов и импликаций (утверждения «если..., то...») – как, например, в медицине.

Конечно же, сам по себе набор фактов еще не образует науки, но и слишком вольные обобщения с большой долей субъективизма, который присутствует почти всегда – и в физике, и в истории (только в разной степени), также в науку не вводятся. Архивные документы необходимы для формирования истории как науки и составляют ее часть, однако сами по себе они бесполезны, если нет попытки их осмыслить, а результат изложить в виде концентрата – традиционно книги. Вопрос в том, как изложить? Можно написать «Курс русской истории», как это сделал В. Ключевский, а можно представить историю Франции от Варфоломеевской ночи до конца царствования Людовика XIV в виде серии романов, как это сделал А. Дюма. В первом случае имеем дело со второй составляющей того, что называется наукой, а во втором – с занимательным чтивом. Поскольку ни один автор, какой бы достаточно многоплановый объект истории он ни хотел осмыслить, никогда в принципе не может охватить и использовать все известные факты истории из-за их количества и многообразия, а потому вынужден их отбирать и группировать, подчиняясь своей внутренней установке, то и полного объективизма не получается, а возникает существенная доля субъективизма. Эта неизбежность является своего рода следствием знаменитого принципа дополнительности Н. Бора, который писал: «...идея дополнительности способна охарактеризовать существенную ситуацию, которая имеет далеко идущую аналогию с общими трудностями образования чело-

веческих понятий, возникающими из разделения субъекта и объекта». По Бору, дополнительность связана с «разграничением объекта и средств наблюдения, свойственным самой идее наблюдения».

Попытка свести все к одной стороне (например, к перечислению фактов истории) приводит к потере другой (возможности обобщения). Снова цитируем Бора: «...мы должны быть готовы к тому, что всестороннее освещение одного и того же предмета может потребовать различных точек зрения, препятствующих однозначному описанию. Строго говоря, глубокий анализ любого понятия и его непосредственное применение взаимно исключают друг друга».

Опираясь на принцип дополнительности, следует признать два в равной степени серьезных исторических обобщения, посвященных одному и тому же объекту истории, не взаимно исключаемыми, но взаимодополняющими. Чем большее число фактов использует историк и чем более они существенны, тем более объективным будет и общий вывод, хотя в частностях могут быть значительные расхождения.

Обратимся теперь к главному постулату любой науки как системы знаний, позволяющей делать прогноз. Прогноз невозможно делать просто на основе перечисления фактов, требуется опора на выявленную причинно-следственную связь. В основе же установления такого рода связи лежит еще один принцип – повторяемости. Наука не может быть выстроена, если такой повторяемости нет. В этом смысле фактическая база истории как науки принципиально отличается, например, от фактической базы физики. Если факты физики отличаются друг от друга в пределах малых ошибок экспериментов, то в истории положение иное. С одной стороны, за тысячелетия су-

ществования человеческого общества было «испытано» такое невероятное число различных ситуаций, что всегда можно подобрать вполне определенную повторяемость. С другой стороны, в истории ни одна ситуация не воспроизводится полностью, а лишь в главном. Используя физико-математические понятия, можно сказать, что, в отличие от физика, историк всегда имеет дело с нечеткими множествами с плохо определенными границами. Именно поэтому он встречается с гораздо большими трудностями при выделении значимых факторов и создании моделей исторических явлений, формировании причинно-следственных связей. Тем не менее, это возможно. Не так уж интересно знать, когда родился или женился Иван Грозный. Важно то, что следствием его правления было уничтожение элиты страны и падение нравственности. Эти факторы, свойственные почти любой неограниченной диктатуре, и способствуют часто появлению условий, приводящих к государственному краху. Прямым следствием правления Ивана Грозного было Смутное время в России. Падение Римской империи произошло отнюдь не в результате классово-борьбы, которой практически не было в римском обществе начала новой эры, переполненном вольноотпущенниками, представители которых иногда занимали высшие посты, а было подготовлено неронами, каллигулами и другими отнюдь не лучшими правителями. К сожалению, правители эти опирались на подходящее общество. Вспомним хотя бы, что писал Тацит о временах Нерона: «...а тут – рабское долготерпение и потоки пролитой крови внутри страны угнетают душу и сковывают ее скорбью.

... Я прошу снисхождения не за что другое, как только за то, что не питаю ненависти к отдавшим себя с такой покорностью на истребление». Если уб-

рать ссылку на Тацита, то можно подумать, что это написано о недавнем нашем прошлом. Та же ленинско-сталинская война с собственным народом, те же покорность и равнодушие к тотальному уничтожению и тот же результат – развал великой страны.

Так что, вопреки мнению упомянутой выше уважаемой дамы, законы истории, выраженные в форме причинно-следственных связей, существуют и могут быть сформулированы. Другое дело, что это трудно сделать, и не всем даже профессиональным историкам такое под силу. Описывать факты легче. Многие авторы этим и ограничиваются. В полной мере это относится к учебникам по истории, особенно школьным. Не следует также забывать, что у подавляющего большинства граждан взгляд на свою историю только школой и формируется. Именно поэтому школьные учебники по своему значению надо поставить на первое место.

К сожалению, традиционное преподавание истории в школе в основном к сообщению фактов и сводится. Отличное знание хронологии становится едва ли не основным при оценке знаний. Естественно, у школьника может возникнуть вопрос, а какая польза во взрослой жизни для него воспоследует, если он хорошо запомнит, когда вступила на престол Елизавета Петровна? Конечно, без фактической стороны не обойдешься, но ведь это только часть дела!

Надо избавить школьников и от вранья, которого было немало в советский период. Мы и сейчас говорим о вероломном нападении немцев на нас в 1941 г. А вдруг среди учащихся найдутся те, кто поумнее, кто отложит книгу и спросит: а как это можно было незаметно подвести к границе более сотни полнокровных дивизий и две с лишним тысячи танков?

Можно поверить, что солдат с автоматом под куст на другой стороне

Буга залез незаметно, но танки-то куда спрятались? Наверное, немцы еще в декабре должны были написать письмо Сталину о том, что в июне нападать собираются! Поведение власти перед войной есть величайшее преступление перед своим народом, в котором не только вероломство немцев виновато, но и собственные правители!

Наша официальная история вообще базировалась часто на легендах, а не на фактах.

Мы праздновали День штурма Зимнего дворца, который никто не штурмовал; в День защитников Отечества вспоминаем об отпоре, который дала молодая Красная Армия германской под Нарвой и Псковом, чего тоже никогда не было. Доходит до анекдотов: День мира и труда почему-то отмечаем на утро после Вальпургиевой ночи, она же ночь шабаша ведьм!

В прошлом постоянно менялись и оценки. При Брежневе вся война свелась к Малой Земле. Шамиль сначала был борцом за народное дело, а потом турецким ставленником. В многочисленных книгах о минувшей войне практически нигде не приводятся данные о немецких и наших потерях по отдельным сражениям, что, если учесть постоянно возрастающую официальную цифру наших убитых, порождает серьезные сомнения в талантах многих наших прославленных маршалов.

Мы создали образ нищей и лапотной России до 1914 г., но при этом не сообщали о том, что после потери Балтийского флота при Цусиме на Балтике и Черном море было построено на русских же верфях несколько новейших линкоров (при советской власти ни одного), которые сражались в Великую Отечественную войну; что только по Волге уже в 1898 г. плавало 1382 парохода с русскими же машинами; что в короткие сроки была построена Транссибирская магистраль, на которую не

сгоняли толпы комсомольцев и сотни тысяч заключенных. Мы очень мало знаем о Первой мировой войне: нам внушали, что воевали мы очень плохо, хотя анализ показывает, что до развала армии, большевиками же и организованного, уж во всяком случае воевали не хуже, чем в первые два года Отечественной, и с не столь громадным соотношением своих и чужих потерь, и все же не на исконно русских территориях.

Чем, как полным незнанием собственной истории, можно объяснить политическую суетню некоторых современных политиков вокруг Чечни? Как выразился один из знакомых автора, блестящий знаток русской истории: «Что Вы от них хотите? Они ведь даже Толстого никогда не читали!»

Такой список можно продолжать. Он показывает, что требуется, во-первых, серьезнейший пересмотр фактического материала. Но этого мало. Нужен специальный акцент на том, чему история учит, хотя, как известно, главный урок истории состоит в том, что мало кто из нее извлекает уроки.

Такой материал трудно усваивать в подростковом возрасте. Поэтому целесообразно, по-видимому, выделить для этой цели последний год школьного обучения. Только выпускнику станет понятным, зачем его вообще всему предшествующему несколько лет обучали.

Важнейшей целью преподавания истории является, несомненно, и создание достаточно четкого представления о том, на каких «китах» держится, собственно, фактическая сторона истории как науки. Хотя об этом традиционно и ранее упоминалось, однако, по-видимому, этого явно недостаточно. Иначе не пользовались бы успехом у части публики «изыскания» А. Фоменко и не продавались бы его книги за большие деньги, так как сразу стало бы

ясным, что это скорее результат психического отклонения, либо сознательная мистификация и что ни покупать, ни тем более тратить время на чтение подобных «трудов» не стоит.

Заканчивая эту статью, хочу еще раз подчеркнуть, что история является центральным предметом, формирующим граждан своей страны, способных гордиться взлетами и не падать духом при неудачах. В этом смысле она является гораздо более важной, чем физика и математика. Поэтому и отношение к ее изучению и преподаванию должно рассматриваться как дело государственное. Это не значит, что надо вводить цензуру. Не говорят же СМИ о цензуре, когда предлагается государственная программа по физике. Может быть, это происходит потому, что деятели СМИ не знают физики и математики и поэтому выпускают периодически на телеэкраны то строителей пирамид, то изобретателей вечных двигателей; но все же физикам-профессионалам доверяют, памятуя, что именно они сделали бомбу. В гуманитарных науках, как и в медицине, все считают себя в той или иной мере специалистами.

Курсом истории должны заниматься профессионалы, начиная с выработки концепции, расстановки акцентов, формулировки обобщений и кончая отбором фактического материала. Не исключено, что на последних этапах, при непосредственной работе над текстами целесообразно было бы привлечь и писателей, чтобы книги не только были бы в хорошем смысле слова научными по своему содержанию, но и читались бы как занимательные романы. Тогда бы не только школьники их читали, но и взрослые – с пользой для себя.

Конечно, здесь не все так просто. За 70 лет образовалась целая каста историков – марксистов-ленинцев со свернутыми мозгами, в том числе и в высших эшелонах этой науки. Им трудно, но влияния их не избежать. Как заметил Н. Гоголь, если уж человек – кулак, то он не разогнется в ладонь! Поэтому скорее всего, да еще и в спешке, по-настоящему хороших учебников школа еще долго не получит и по-прежнему будет в известной степени калечить своих учеников.

В этих условиях идеалом была бы выработка у учеников способности самостоятельно делать выводы на основании сообщаемых фактов, а не следовать слепо за авторами. Здесь-то и возникнут главные трудности и потребуются, по-видимому, разработки специальных методик. Опыта здесь мало, как и методических образцов. Учебник должен быть дополнен головой, способной мыслить, а не просто запоминать. Иначе получится так, что, имея три разных учебника, мы рискуем воспитать и три группы членов общества; вместо объединения возникнет раскол. Видимо, главное не в том, учить десять лет или двенадцать, и не в том, как принимать экзамены, а чему учить. С выработки концепций и принципов и надо начинать. К сожалению, ничего серьезного по этому поводу пока не слышно.

Закончить же статью хочется высказыванием Н.М. Карамзина: «История в некотором смысле есть священная книга: главная, необходимая; зеркало бытия и деятельности; скрижаль откровений и правил; завет предков к потомству; дополнение, изъяснение настоящего и пример будущего».